
ВЕРА КАЛИТКИНА
Забор Раздора

Вера Калиткина

Забор Раздора

https://litres.ru/74857333
SelfPub; 2026

Аннотация

Серия «За высоким забором».

Читать при хандре, разбитом сердце, ссоре с соседями и в любой непонятный вторник. Побочные эффекты: желание испечь медовик.

«Если вас спросят — я ушла от мужа сама. Гордо, с высоко поднятой головой и свежим маникюром».

Правда, реальность скромнее: муж разорился, а от семи лет брака по расчёту остались три чемодана, лампа для маникюра и недостроенный дом в посёлке «Рябиновый». Без крыльца и отопления, зато с итальянским унитазом посреди ванной.

В придачу — ворчливый прораб, соседка, которая «не сплетничает, а информирует», ревнивая жена полковника и таинственная Рябина из общего чата, чьи пророчества сбываются.

Первое касается Анны: «Выйдет замуж до Нового года».

Но Анна не собирается замуж. Ей бы дом спасти. И не влюбиться в хама с рулеткой.

Ироничный роман о соседских войнах, неожиданных чувствах и любви, которую не вписать в таблицу.

Первая книга серии. Читается отдельно.

Содержание

Глава 1. Три чемодана и лампа для маникюра 5
Глава 2. Версия для публики 13
Глава 3. Забор раздора 21
Глава 4. Брак по расчёту 28
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Вера Калиткина
Забор Раздора

Забор раздора
Серия «За высоким забором». Книга 1
Вера Калиткина

Глава 1. Три чемодана и лампа для маникюра

Говорят, новая жизнь начинается с понедельника. Моя началась в четверг, в половине третьего, когда таксист по имени Арсен заглушил мотор посреди грязи и сказал:

— Дальше не поеду. У меня машина, а не трактор.

Я посмотрела в окно. Метрах в двухстах впереди белел шлагбаум, а над ним висела табличка: «КП Рябиновый. Добро пожаловать домой!» Между нами и этим «домой» лежала дорога, которую кто-то когда-то задумал асфальтовой, но потом, видимо, передумал.

— Арсен, — сказала я самым нежным голосом, на какой была способна после ночного поезда из Минска. — У меня три чемодана.

— Вижу, — кивнул Арсен и пошёл открывать багажник.

Чемоданы он выставил прямо в лужу. А сверху бережно, как свадебный торт, поставил коробку с моей лампой для маникюра. Надо отдать ему должное: он сразу понял, что тут самое ценное.

Если вас кто-нибудь спросит, я ушла от мужа сама. Гордо, с высоко поднятой головой и свежим маникюром цвета «бургундия в тумане». Именно так я собиралась рассказывать соседям, и даже репетировала в поезде перед зеркалом

в туалете, пока в дверь не начали стучать.

Скажу только, что из всего нажитого за семь лет брака мне достались три чемодана, лампа и дом, который я видела только на фотографиях. О том, почему так вышло, я расскажу позже. Или никогда. Посмотрим по настроению.

Арсен уехал, и я осталась одна посреди сентября. Сентябрь, надо сказать, был красивый: рябины вдоль дороги стояли в красных гроздьях, как нарядные тёти на свадьбе. Видимо, отсюда и название. А вот с дорогой посёлку не повезло.

Я взялась за ручки двух чемоданов, третий пристроила сверху, коробку с лампой зажала подмышкой и сделала шаг. Колёсики тут же ушли в глину по самые уши и сдались без боя. Второй шаг дался тяжелее. На третьем я потеряла балетку.

Именно в этот момент, когда я стояла на одной ноге, как цапля в болоте, сзади настойчиво загудели.

Я обернулась. На меня накатывала грязная до самой крыши грузовая «Газель». Из окна высунулся мужчина лет сорока, в рабочей куртке с пятнами цемента, небритый и недовольный.

— Девушка, вы на дороге стоите. Тут техника ходит.

— А тут есть дорога? — искренне удивилась я.

— Будет, — отрезал он. — К весне. Отойдите к обочине.

Разглядеть обочину я так и не смогла. Зато успела рассмотреть его глаза, серые и насмешливые. Он окинул ими мои чемоданы, мой бежевый тренч и мою босую ногу в ка-

проновом следе. По лицу было видно: он поставил мне диагноз. И диагноз был нелестный.

«Газель» объехала меня по дуге. По очень точно рассчитанной дуге, потому что из-под заднего колеса взлетел фонтан жидкой глины и лёг ровно на мой подол.

— Хам! — крикнула я вслед.

Из окна показалась рука и помахала мне. По-моему, даже приветливо.

Охранник на шлагбауме, пожилой дядька в камуфляже, долго водил пальцем по тетрадке.

— Семнадцатый? А-а, семнадцатый, — он посмотрел на меня с сочувствием. — Ну, сами увидите.

И я увидела.

На фотографиях дом был прекрасен: светлый, двухэтажный, с большими окнами и террасой. В жизни он тоже был светлый и двухэтажный. Просто фотограф скромно умолчал о некоторых деталях. Например, о том, что терраса существовала только в виде четырёх столбиков. Или о том, что входная дверь находилась на высоте метра от земли, а крыльца под ней не было.

Вообще.

Я поставила самый крепкий чемодан под дверь, забралась на него и вставила ключ в замок. Ключ, к моему удивлению, подошёл. На этом хорошие новости закончились.

Внутри пахло цементом и чужими планами. Бетонный пол, серые стены, из потолка торчат провода, как усики у та-

ракана. Радиаторы висели на стенах исключительно для красоты и были холодными, как сердце моей бывшей свекрови. А в будущей ванной посреди комнаты стоял унитаз. Ни к чему не подключённый, белый и гордый, как трон в заброшенном замке.

Я села на этот трон. Прямо в тренче. И впервые за день позволила себе подумать: «Аня, что ты наделала?»

Телефон дзынкнул. Голосовое от Ленки.

«Анька, прости-прости-прости! Не могу встретить, я у стоматолога. У меня очень важная… процедура. Вечером забегу, всё расскажу! Целую!»

У стоматолога. Во вторник она тоже была у стоматолога. И в прошлую пятницу. У Ленки были либо самые проблемные зубы в России, либо какая-то история. Зная Ленку с первого курса, я ставила на историю.

В дверь постучали. Вернее, постучали снизу, в порог, потому что до двери с земли не достать.

— Есть кто живой?

Внизу стояла женщина лет пятидесяти, в розовом пуховике и с блюдом в руках. На блюде лежал пирог, накрытый полотенцем. В глазах горел огонь, какой бывает у следователей в сериалах перед самым раскрытием дела.

— Надежда Александровна, дом девять, напротив, — отрапортовала она. — С капустой. Вы ведь совсем одна? А муж где? А дети есть? А сколько вам лет? А откуда вы? Из Белоруссии? А у вас там правда так чисто?

Я присела на корточки в дверном проёме, чтобы быть с ней наравне, и приняла пирог. Пирог был ещё тёплый. За тёплый пирог я была готова ответить на любые вопросы. Ну, почти на любые.

— Одна, — сказала я и вскинула подбородок, как репетировала. — Я ушла от мужа. Сама. Решила начать всё с чистого листа.

— Ой, какая вы смелая, — восхитилась Надежда Александровна. И тут же, не меняя интонации: — А он, значит, в квартире остался? А квартира чья была? А дом на кого оформлен?

— На меня, — сказала я чистую правду и поскорее откусила пирога, чтобы рот был занят.

Надежда Александровна сочувственно покивала, и по её лицу я поняла: ни одному моему слову она не поверила. Но каждое запомнила.

— У нас тут люди хорошие, — доверительно сообщила она, понизив голос. — Только к полковнику из одиннадцатого не подходите. Наталья Николаевна глаза выцарапает. В прошлом году он с почтальоншей поздоровался за руку, так почтальонша теперь в наш посёлок не ездит. Вы не думайте, я не сплетничаю. Я информирую.

— Спасибо, — искренне сказала я. — А ещё тут какой-то тип на «Газели» меня грязью облил. Небритый такой.

— А-а, это Глеб, — махнула рукой Надежда Александровна. — Прораб наш. Грубиян, но руки золотые. Живёт в бы-

товке на пустыре. Холостой, между прочим.

Она сказала это так, будто между прочим было самым главным.

— Мне сейчас не до мужчин, — твёрдо сказала я. — Тем более до тех, кто живёт в бытовке.

— Конечно-конечно, — согласилась Надежда Александровна и достала телефон. — Диктуйте номер, я вас в чат добавлю. Без чата у нас никак, все новости там.

К вечеру в доме стало так холодно, что я видела собственное дыхание.

Я сидела на чемодане в тренче, двух свитерах и шапке и доедала вторую половину пирога. Заряда на телефоне оставалось двенадцать процентов. Розетка в доме была одна, но она, как и терраса, существовала скорее в теории.

Ленка написала: «Анют, не успеваю, процедура затянулась(((Завтра с утра всё покажу!» В девять вечера. У стоматолога. Я просто поставила сердечко и ничего не стала спрашивать.

Зато чат посёлка не замолкал ни на минуту. Он назывался «Рябиновый | Жители», и за вечер я узнала о своих соседях больше, чем за семь лет узнала о собственном муже.

Кто опять поставил серую Тойоту у двенадцатого?! Мне не выехать!!!

У кого-нибудь есть номер электрика? Только не того, который в прошлый раз пришёл с пивом.

Уважаемые соседи! Напоминаю, что собак на детской

площадке выгуливать ЗАПРЕЩЕНО. Н. Н.

Подпись «Н. Н.» не нуждалась в расшифровке. Даже буквы в ней выглядели строго.

Потом Надежда Александровна написала: *«Дорогие соседи, поприветствуем Анну из 17-го! Анна сама ушла от мужа и начинает новую жизнь!!!»* И три букета роз. В ответ посыпались смайлики и картинки с котятами. Я сидела и думала, что мою легенду теперь знают сто двадцать человек. Обратной дороги нет.

А в 23:47 в чате появилось новое сообщение. От аккаунта без аватарки, подписанного просто «Рябина».

Новенькая из семнадцатого выйдет замуж до Нового года. Рябина видит всё.

Чат секунду молчал. А потом взорвался.

ОПЯТЬ ОНА!!!

Админ, удалите это немедленно. Н. Н.

Девочки, а помните, как она про баню Петровых написала? И что?! Сгорела же!

Замуж за кого?? У нас тут свободных мужиков один Глеб и тот в бытовке)))

Ой, девочки, а я что говорила! — это, конечно, Надежда Александровна. Хотя я так и не поняла, что именно она говорила.

Я выключила звук. Замуж. Я. Да я ещё от первого раза не отошла. И вообще, второй раз я собиралась выходить замуж только за собственный счёт в банке. С хорошим таким

балансом.

За окном была чёрная сентябрьская ночь. Только далеко, за пустырём, горело одно жёлтое окошко строительной бытовки.

Я бы задёрнула штору. Если бы у меня были шторы.

Глава 2. Версия для публики

Проснулась я от того, что не чувствую носа.

Ночь я провела на полу, на сложенных вчетверо свитерах, укрывшись тренчем и собственной гордостью. Гордость грела плохо. К утру я готова была продать её за одну грелку.

Ровно в девять под окнами раскатисто просигналили. Я выглянула в окно.

На дороге, которая будет к весне, стоял белый Мерседес. А рядом с ним стояла Ленка — в тёмных очках, хотя солнца не было, и в высоких сапогах, хотя всюду была грязь. Волосы её пылали таким каштановым огнём, что на фоне серого неба казалось, будто в посёлке включили отопление.

Вот за это я и любила Ленку с первого курса. В любой ситуации она выглядела так, будто её сейчас будут фотографировать для журнала.

— Анька-а-а! — завизжала она, когда я спрыгнула с порога. Обнималась Ленка крепко, а вот улыбалась странно, не разжимая губ. — Не обращай внимания, мне нельзя широко улыбаться. После процедуры.

— Какой процедуры?

— Стоматологической, — с достоинством ответила Ленка. — Зубы, Аня, это святое.

Это был первый раз за утро. Тогда я ещё не знала, что буду считать.

Ленка подняла очки на лоб и посмотрела на мой дом. Потом на меня. Потом снова на дом.

— Ты тут ночевала?

— У меня дом, — напомнила я.

— У тебя коробка с унитазом, — сказала Ленка. — Садись. Душ, кофе, завтрак. Потом разговоры.

В Мерседесе пахло кожей, дорогими духами и немного — клиникой. Сиденья были с подогревом. До Ленкиного дома мы ехали ровно одну минуту, и за эту минуту я влюбилась в подогрев сильнее, чем когда-либо в мужчину.

У Ленки всё было как в журнале. Бежевые диваны, свечи с запахом инжира, на стене семейный портрет в белых рубашках на фоне моря. Даже дети, восьмилетний Миша и пятилетняя Варя, сидели за столом так чинно, будто их привезли вместе с мебелью.

И ещё за столом сидел Игорь.

Ленкиного мужа я видела дважды в жизни: на их свадьбе и на крестинах Миши. Оба раза он с кем-то спорил о процентных ставках. С тех пор Игорь не изменился, только ставки выросли. Перед ним рядом с чашкой кофе лежал планшет с таблицей.

— Доброе утро, Анна, — сказал он. — Сколько вы заплатили за такси от вокзала?

Я назвала сумму. Игорь поморщился, как от зубной боли, и что-то внёс в планшет.

— Переплатили процентов на сорок, — сообщил он. —

Если брать эконом-тариф и выходить к соседнему подъезду…

— Игорь, — сказала Ленка тем самым тоном, каким говорят собаке «фу».

— Я просто объясняю человеку принцип.

Игорь с достоинством вернулся к таблице. Я случайно увидела её название: «Расходы_семья_сентябрь_финальная_v3». И ещё одну строчку, выделенную красным: «Стоматология (Лена) — ???».

Ленка тоже увидела. И очень быстро налила мне кофе.

После душа я снова почувствовала себя человеком, и Ленка повезла меня на экскурсию. Разумеется, на машине. Ходить пешком по Рябиновому, по её словам, было всё равно что ходить пешком по болоту. Только болото честнее.

Мы медленно катились мимо одинаковых заборов, и Ленка комментировала, как гид в зоопарке.

— Дом девять ты уже знаешь. Надежда Александровна, главное СМИ посёлка. Всё, что ты ей скажешь, через час будет знать весь Рябиновый, а через два — её сын в Питере.

— Замечательно, — сказала я, вспомнив вчерашний чат.

— Дом одиннадцать. Не смотри туда.

Я, конечно, сразу посмотрела. Вдоль забора бежал мужчина лет шестидесяти, подтянутый, седой, в синем спортивном костюме. Бежал он так, будто ведёт за собой полк. А в окне второго этажа за тюлевой занавеской неподвижно стоял силуэт. Силуэт следил за бегуном, за нами и, кажется, за

всем посёлком сразу.

— Полковник, — шёпотом сказала Ленка, хотя в машине нас было двое. — А в окне Наталья Николаевна. Она всегда в окне, когда он бегает. В прошлом году одна девушка ему помахала…

— И что?

— И всё. Девушка продала дом.

Полковник поравнялся с нами и коротко кивнул. Мы обе уставились прямо перед собой с каменными лицами, как две школьницы, пойманные со шпаргалкой.

Дальше был дом четырнадцать. У калитки стояла симпатичная девушка с рыжим пучком на голове. В одной руке у неё была ручка детской коляски, в другой — коробка с тортом, а в зубах телефон.

— Катя, — сказала Ленка и помахала ей. — В декрете, печёт торты. Закажи у неё медовик, умереть можно. Муж у неё в автосалоне какой-то начальник, дома вообще не бывает. Всё работает и работает.

Сказала она это с какой-то странной интонацией, но я не стала уточнять.

За поворотом показались чёрные столбы и горка обугленных брёвен. Рядом кто-то заботливо воткнул табличку: «Баня Петровых. Не верьте пророчествам — купите огнетушитель».

— О, — сказала я.

— Ага, — сказала Ленка. — Про это потом.

Машина остановилась у маленького пруда на краю посёлка. Ленка заглушила мотор, сняла очки и повернулась ко мне всем корпусом.

— Ну. Рассказывай.

И я рассказала. Про то, как Вадим стал скучным. Как мы перестали разговаривать. Как я однажды проснулась и поняла, что переросла эти отношения, собрала чемоданы и ушла. Сама. Не взяв ничего, кроме дома, который он, так и быть, переписал на меня из благородства.

Рассказ получился красивый. В поезде он был даже лучше, но там мне никто не смотрел в глаза.

Ленка долго молчала.

— Ну и правильно, — сказала она наконец. — Ты всегда была сильная.

Но смотрела она на меня так, как на втором курсе смотрела, когда я уверяла, что выучила билеты. Она всегда знала, когда я вру. И всегда делала вид, что не знает. Вот за это я любила её ещё больше, чем за каштановые волосы.

Ленка опустила зеркало заднего вида, подняла верхнюю губу и долго рассматривала свои зубы.

— Как думаешь, они беловатые?

— Они нормальные, — сказала я. — Лен, что ты там у стоматолога делаешь три раза в неделю?

Это было второе упоминание за утро, и на этот раз виновата была я.

Ленка вернула зеркало на место и посмотрела на пруд. Ли-

цо у неё стало мечтательным и немного глупым, как у студентки на лекции по философии, когда лектор молодой.

— У меня очень хороший врач, — сказала она. — Очень. У него такие руки, Аня. И глаза над маской…

— Лена!

— Что? Я про зубы, — невинно сказала она. И тут же добавила: — Он меня не замечает. Год уже. Я ему и конфеты, и платье с вырезом, и духи. А он мне: «Елена Сергеевна, откройте шире». И всё.

Это был третий раз. И первый, когда Ленка сказала правду. А я думала про таблицу Игоря с красными вопросительными знаками и молчала. У каждой из нас была своя легенда, и мы обе делали вид, что верим друг другу. Наверное, это и есть женская дружба.

— Ладно, — сказала я. — А теперь расскажи про Рябину.

Ленка оживилась.

Аккаунт «Рябина» появился в чате два года назад. Номер виртуальный, админ никогда его не добавлял и клянётся, что ни при чём. Удалять бесполезно: через день Рябина возвращается. Пишет редко, раз в пару месяцев. И всегда попадает.

— Про баню ты видела, — загибала пальцы Ленка. — Про то, что Сидоровы разведутся, а они до этого каждое воскресенье вместе в церковь ходили. Про то, что у Шуваловой будет двойня. И не смейся, Барсик из двадцатого реально нашёлся в соседнем селе. Так что, подруга, готовь платье.

Я рассмеялась. Честное слово, рассмеялась. Пророчества

в чате коттеджного посёлка — это даже мило. А слово «замуж» вызывало у меня примерно те же чувства, что и слово «кредиторы».

К себе я вернулась уже в сумерках, сытая, с двумя Ленкиными пледами и обогревателем, который Игорь выдал мне под расписку. Настроение было почти праздничное.

Ровно до того момента, как я увидела столбы.

Пока меня не было, кто-то вкопал вдоль моего участка ряд металлических столбов. Новеньких, блестящих и наглых. И один из них стоял ровно там, где ещё утром была моя территория.

За столбами, на чужой стороне, осталась рябина. Молодая, тонкая, вся в красных гроздьях. Вчера вечером я смотрела на неё из окна и решила, что это единственное красивое в моём новом хозяйстве. Теперь у меня не было и её.

У последнего столба стоял человек в знакомой куртке с пятнами цемента и сматывал рулетку.

— Это моя рябина! — сказала я вместо «здравствуйте».

Глеб поднял на меня свои серые насмешливые глаза. Потом перевёл их на пледы, на обогреватель и снова на меня.

— По схеме — не ваша, — спокойно сказал он.

И ушёл. Просто развернулся и ушёл в сторону своей бытовки, насвистывая что-то из старого кино.

Я стояла с обогревателем в обнимку и смотрела ему вслед. Мой муж разорился, у меня отняли прежнюю жизнь и все деньги. Отнимать у меня ещё и рябину я никому не позволю.

Это была война. И я собиралась её выиграть.

Глава 3. Забор раздора

Войну я начала так, как умею: с таблицы.

Полночи я сидела под двумя пледами у Игорева обогревателя и изучала документы на дом. Документы были на меня, это я знала твёрдо. А вот что там написано дальше первой страницы, я впервые узнала именно в ту ночь. Вадим всегда говорил: «Не забивай свою красивую головку». И я не забивала. Забита она была чужими отчётами и дизайном ногтей.

Рулетки у меня не было. Зато у меня были ноги тридцать седьмого размера. Я прошлась вдоль столбов с фонариком, приставляя пятку к носку, как в детской игре. Потом перевела мои стопы в сантиметры, сантиметры в сотки и внесла всё в таблицу. С формулами. И с условным форматированием, потому что я профессионал.

Таблица показала: у меня украли сорок сантиметров. На всю длину участка. Это целая клумба. Или половина парковки. Или одна рябина, что для меня стало важнее любой парковки.

Утром я накрасилась. Это важно: на войну нельзя выходить с лицом человека, который спал на полу. Даже если ты спала на полу. Особенно если.

В восемь ноль-ноль к столбам подъехала та самая «Газель». Из неё выбрались двое рабочих: пожилой усатый Толик и молодой Серёга в наушниках. Они вытащили пачку

зелёных листов профнастила, сварочный аппарат и термос.

Я вышла к ним в тренче, с телефоном в руке и встала ровно между двумя столбами. Там, куда должен был лечь первый лист.

— Доброе утро, — сказала я. — Работы приостановлены.

Толик посмотрел на меня, потом на Серёгу, потом снова на меня.

— Это кем приостановлены?

— Собственником участка.

— А вы собственник?

— Собственница, — поправила я с достоинством. — У вас столбы стоят на моей земле. Сорок сантиметров. У меня расчёты.

Я повернула к ним экран с таблицей. Серёга вытащил один наушник и с интересом присмотрелся.

— А в чём мерили? Тут единицы какие-то… «стопа А.».

— В стопах, — сказала я. — Двадцать четыре сантиметра стопа. Это точно, мне в обувном мерили.

Толик крякнул, достал телефон и отошёл на два шага.

— Глеб Андреич, тут это… семнадцатый участок… Нет, не затопило. Хуже. Хозяйка вышла.

Глеб Андреевич пришёл через десять минут. Не торопясь, с кружкой в руке, в той же куртке. Мне начало казаться, что он в ней и спит.

Сегодня он был побрит. Это я отметила чисто по профессиональной привычке: когда делаешь людям маникюр, начи-

наешь замечать детали. Например, что руки у него были в ссадинах, но с чистыми короткими ногтями. И часы на запястье странно дорогие для прораба. Видимо, подделка. Или подарок.

— Значит, работы приостановлены, — сказал он, отхлебнув из кружки.

— До выяснения обстоятельств.

— Каких обстоятельств?

— Сорока сантиметров моей земли и одной рябины.

Серёга услужливо сунул ему под нос мой телефон. Глеб посмотрел на таблицу, и уголок его рта дёрнулся.

— «Стопа А.», — прочитал он вслух. — Условное форматирование. Красиво.

— Не вижу ничего смешного.

— Я и не смеюсь. Я восхищаюсь. Толик, дай рулетку.

Он прошёл к углу моего участка, присел и разгребал рукой траву. Там, в зарослях подорожника, прятался маленький ржавый колышек с красной крышечкой.

— Межевой знак, — пояснил он тоном учителя начальных классов. — Ставит кадастровый инженер. От него и меряют. Не от крыльца, тем более что крыльца у вас нет.

Рулетка вжикнула. Глеб протянул её до первого столба, потом до второго, потом до следующего колышка у дороги. Я шла следом и с каждым шагом чувствовала, как моя таблица превращается в тыкву.

— Ноль, — сказал он. — Ноль сантиметров в мою пользу.

И ноль в вашу. Забор стоит ровно по границе.

— А рябина?

— Рябина растёт на восемнадцатом участке.

— А чей восемнадцатый участок?

Заметьте, я задала этот вопрос. Я потом часто вспоминала, что задала его в первое же утро.

Глеб смотал рулетку и протянул её Толику.

— Строительной компании.

— Отлично, — сказала я. — Значит, я договорюсь с компанией. Куплю у них этот кусочек с рябиной.

— Удачи, — сказал он. — У них директор тот ещё тип. По кусочку не продаёт.

— Вы его знаете?

— К сожалению, — вздохнул Глеб. — Каждое утро.

Толик почему-то закашлялся. Серёга отвернулся к профнастилу.

Я стояла на своих законных метрах, без сорока сантиметров и без рябины. Надо было отступить с достоинством. Уйти красиво, как я якобы ушла от мужа.

Но тут Глеб сказал то, что сказал.

— Знаете, сколько у нас таких, как вы? Приезжают на мужнины деньги, строят дом по картинке из журнала, а потом удивляются, что у них нет крыльца. И виноват всегда прораб.

Мужнины деньги.

У меня на счёте было восемнадцать тысяч семьсот рублей.

Я знала эту цифру точнее, чем свой день рождения. И все они были мои — за последние два отчёта и пять маникюров.

— А знаете, сколько таких, как вы? — сказала я очень спокойно. — Которые сорок лет живут в бытовке, ходят в одной куртке и считают, что разбираются в женщинах, потому что разбираются в рулетках?

Серёга тихо сказал «опа» и вынул второй наушник.

Глеб посмотрел на меня долгим взглядом. В серых глазах больше не было насмешки. Было что-то другое, чего я тогда не поняла.

— Тридцать восемь, — сказал он.

— Что?

— Мне тридцать восемь, а не сорок. И курток у меня две. Толик, Серёга, монтируем. Хозяйка не возражает.

Хозяйка возражала. Но уже из дома, куда она забралась по чемодану с максимальным достоинством, какое вообще возможно при таком способе передвижения.

К обеду забор стоял. Зелёный, ровный и ненавистный. Рябина выглядывала из-за него одной верхушкой, как девушка, которую заперли в башне.

А к вечеру выяснилось, что нашу битву видел весь посёлок.

Не вживую, конечно. Вживую видела только Надежда Александровна, которая в восемь утра очень вовремя вышла вытряхивать коврик. Коврик она трясла примерно сорок минут. Остальные смотрели в записи. Запись была в чате, с под-

писью: «Новенькая и Глеб выясняют отношения!!! Звук плохой, извиняюсь».

Звук был отличный. Особенно хорошо было слышно фразу «разбираются в рулетках».

Под видео Надежда Александровна запустила опрос.

Кто прав в споре о заборе?

— Глеб (по схеме) — 23 голоса

— Анна (по справедливости) — 4 голоса

— Рябину жалко — 11 голосов

За меня проголосовали Ленка, Катя с тортами и я сама. Четвёртый голос был анонимный. И мне почему-то хотелось верить, что это Рябина.

Прошу не устраивать балаган в чате и на улице. Н. Н.

Наталья Николаевна, а вы за кого голосовали?

Я не голосую. Я наблюдаю. Н. Н.

Я поставила телефон на зарядку. Розетку, кстати, мне к обеду починили. Серёга пришёл, сказал «Глеб Андреич велел», что-то покрутил и ушёл. Я решила, что это ничего не значит. Просто на войне тоже бывают правила.

Ночью я проснулась от мысли. Мысль была такая: рябина молодая, забор высокий, солнца ей теперь будет меньше. И никто её не польёт, потому что у строительной компании нет сердца. А у её директора его нет тем более.

В час ночи я вышла из дома с кастрюлей воды, поставила к забору чемодан — тот самый, верный, — и забралась на него. Дотянуться кастрюлей до корней было нельзя. Поэтому

я просто перевесилась через забор и полила наугад. Половина воды досталась рябине. Половина — мне в рукав.

Потом я повязала на ветку резинку для волос. Бархатную, бордовую. Чтобы все знали: эта рябина занята.

Утром на резинке висела записка. Вырванная из блокнота в клетку, завёрнутая в прозрачный пакет от сырости. Почерк был резкий и наклонный.

Поливать не надо, осенью дождей хватает. Резинку оставляю — ей идёт. Г.

Я перечитала записку три раза. Потом развернулась, чтобы идти домой, и встала как вкопанная.

Под моей дверью стояли ступеньки. Собранные из двух строительных поддонов и доски, кривоватые, но честные. На верхней ступеньке кто-то мелком написал: «Временное крыльцо. Чемодан берегите».

Я постояла. Потом поднялась по ступенькам. Они даже не скрипели.

Война продолжалась, я в этом не сомневалась. Просто на ней, кажется, начали стрелять чем-то не тем.

Глава 4. Брак по расчёту

Раз уж всё равно нечего делать, пока на временном крыльце сохнет мой тренч, расскажу вам правду. Только вам. Надежде Александровне ни слова.

Я выросла в Лиде. Это такой белорусский городок, где есть замок, пивоварня и моя мама. Мама работала медсестрой в районной больнице на полторы ставки и ещё бегала ставить уколы по соседям. Папа работал в основном над тем, чтобы быть подальше от нас, и к моим семи годам добился в этом больших успехов.

У нас дома была тетрадка. Обычная, в клетку, с котёнком на обложке. В неё мама записывала каждую потраченную копейку. Хлеб. Молоко. Колготки Ане (опять). В десять лет я уже сама вела эту тетрадку, потому что мама приходила с суток и засыпала прямо над цифрами. В двенадцать сводила баланс до копейки. В четырнадцать знала, что такое кассовый разрыв. Только называла его «до зарплаты не дотянем».

Мама говорила две вещи. Первая: «Свои деньги у женщины должны быть всегда». Вторая: «Не выходи замуж по любви, как я». Первую я выполняла всегда. Вторую выполнила один раз, и вот что из этого вышло.

В институте я училась на бухгалтера, потому что это надёжно. А по вечерам делала маникюр девочкам в общежитии, потому что это деньги. Первой моей клиенткой стала

Ленка. Она пришла с ногтями, сгрызенными перед экзаменом, и сказала: «Сделай так, чтобы препод засмотрелся и не завалил». Я сделала. Он не завалил. С тех пор мы неразлучны.

После института Ленка быстро вышла замуж за Игоря и таблицы, а я уехала в Минск. Снимала комнату с девочкой из турагентства, днём сидела в бухгалтерии маленькой фирмы, а по субботам работала в салоне на Немиге. В пятницу вечером я сводила чужие балансы, в субботу утром — чужие кутикулы. К двадцати шести годам у меня была накопительная карта, хроническая усталость и стойкое ощущение, что я бегу по колесу, как хомяк. Красивый хомяк с идеальным маникюром.

И тут в салон пришёл Вадим.

Ему было сорок, в нём было килограммов сто двадцать, и он очень стеснялся. Оказалось, его деловой партнёр сказал, что мужчина с ухоженными руками лучше закрывает сделки. Вадим верил всему, что говорили деловые партнёры. Это, как выяснилось позже, была его главная черта.

Руки у него были большие и мягкие, как подушки. Пока я пилила ему ногти, он рассказывал мне про сантехнику. У него была сеть магазинов «АкваДом», девять точек по Беларуси, и о смесителях он мог говорить так, как другие говорят о футболе. Я слушала и по привычке считала в уме. Девять магазинов. Склад. Две квартиры. Ни жены, ни детей, ни алиментов. Мама на пенсии в Бобруйске, но далеко.

Я сложила активы, вычла обязательства и улыбнулась ему самой лучшей улыбкой.

Не надо на меня так смотреть. Я ведь предупреждала, что правда будет некрасивая.

Вадим сделал мне предложение на шестом маникюре. Кольцо он положил прямо в ванночку для рук, и я чуть не выплеснула его в раковину. Кольцо было с бриллиантом. Я проверила. Вечером, у ювелира, стыдно признаться.

Мы прожили семь лет. Очень сытых лет.

Вадим любил три вещи: свои магазины, пельмени в полночь и меня. Именно в таком порядке, но я не обижалась, потому что сама была не без греха. У нас была квартира с видом на Свислочь, две машины и отпуск дважды в год. Вадим никогда не спрашивал, сколько стоит моё пальто. А я никогда не спрашивала, почему он спит на диване перед телевизором. Это называется гармония.

Работу я не бросила. Вадим удивлялся: «Зачем тебе, Анечка?» А я вспоминала тетрадку с котёнком и вела бухгалтерию трём маленьким фирмам из дома. На всякий случай. Маникюр остался для души и для подруг.

Три года назад партнёр по фамилии Красовский убедил Вадима выходить на российский рынок. Вадим загорелся, набрал кредитов и подписал поручительства. А заодно купил дом в посёлке под большим российским городом. «Будем жить на две страны, — сказал он. — И Ленка твоя рядом». Дом по совету того же Красовского оформили на ме-

ня. Так, сказал Красовский, спокойнее.

Достроить дом Вадим не успел. Успел только привезти туда унитаз со своего склада. Итальянский, подвесной, лучшей модели. Так что трон в моей ванной — это, можно сказать, последний привет от мужа.

А весной позвонили из банка.

Был вторник, я пила кофе и выбирала в интернете шторы для дома в Рябиновом. Бежевые, льняные. Вежливая девушка сообщила, что моя дополнительная карта к счёту мужа заблокирована. И спросила, не могу ли я передать Вадиму Алексеевичу, что его очень ждут в отделении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.